

Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Когда я окажусь на том вокзале,
с которого не взять билет домой,
и девушка с нездешними глазами,
как в детстве проплывёт передо мной:
Я выдохнув остатки перегара,
ударюсь взглядом о дверной проём,
и песня «Команданте Че Гевара»
возникнет в подсознании моём.
Заколет под лопаткой — может совесть,
а может печень — кто её поймёт...
Объявят поезд. Кто-то сядет в поезд.
А я зачем-то вспомню самолёт...
Потом зачем-то вспомню перепалку
с писателем из города Уфа
и детскую нелепую считалку:
чего-то было в ней про цу-е-фа.
Потом пойму:
меня уже не стало.
И прямо с потолка повалит снег...
По-птичьему осторожно и устало
ко мне подсядет заспанный узбек.
И я тогда, обняв его, как брата,
тоскливо по-собачьи затаю:
— Не за грехи мои придёт расплата,
я через жизнь пронёс свою вину...

По бульвару, по бульвару
ходит месяц молодой!
Пушкин в майке с Че Геварой
едет в бричке за бедой...

Задувает в бричку ветер
и на понт берёт его:
– У тебя – жена и дети,
а тому терять чего?

«Вот тебе, приятель, дуля... –
говорит ему поэт, –
будет день и будет пуля,
и иных раскладов нет».

Будет сразу за Парнасом
аварийный поворот,
а за ним беды с запасом,
и никак наоборот.

Наркоманы и хипушки
смотрят пораскрывши рты,
как на небо едет Пушкин...
А куда приедешь ты?

Смерти нет, просто тело земное
не годится для жизни иной.
Всё, что было распято зимою
непреренно воскреснет весной.

Сколько нас, искалеченных бытом,
бойко рвущихся к целям чужим...
Но не будет у Бога забытых,
и не будет непринятых Им.

На Венере! Ах, на Венере,
мы однажды родимся опять...
Как же хочется в это поверить,
и всю жизнь про себя повторять...

Нас пилатит, каифит, иудит,
очерствляет и сводит на нет...
Страшно будет.
И стыдно нам будет.
А потом только вечность и свет.